

УДК 811.161.1

Лингвокультурный аспект языковой личности поэта Витебщины

Маслова В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Исследование посвящено выявлению особенностей языковой личности витебского поэта. Для ее описания нами была разработана модель языковой личности. Введено понятие лингвокультурной личности, под которой следует понимать закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий невременную и инвариантную части структуры личности. Реально для ее исследования возможны два пути: ассоциативный эксперимент и анализ текстов (прежде всего художественных).

В статье показано, что стихотворение представляет собой текст, созданный не только на базе вербального языка, но и на базе того или иного образного кода или нескольких кодов региональной этнокультуры. Метафорическое выражение любви, казалось бы, должно быть универсальным, но в нем нашла отражение наша суровая северная природа.

Ключевые слова: языковая личность, лингвокультурный, пространство культуры, языковое сознание.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 89–95)

Lingual and Cultural Aspect of the Language Personality of the Poet in Vitebsk Region

Maslova V.A.

Educational establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article dwells upon finding out features of the language personality of the Vitebsk poet to describe which we have worked out the model of the language personality. The concept of lingual and cultural personality has been introduced, which should be understood as basic national and cultural prototype of the carrier of the language, which is fixed in the language (mainly in the vocabulary and syntax) and makes up the outer temporal and invariant part of the structure of the personality. To study it two ways are really possible: association experiment and text analysis (first of all fiction).

It is shown in the article that a poem is text which is created not only on the basis of verbal language but also on the basis of this or that image code or some codes of the regional ethnic culture. Metaphoric expression of love may seem to be universal but our severe Northern nature has found its reflection in it.

Key words: language personality, lingual and cultural, space of culture, language consciousness.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 89–95)

Человек – сложное, многогранное и трудноопределяемое понятие, которому посвящена обширная литература, потому что проблема человека является центральной для большей части гуманитарных наук – психологии, этнографии, медицины, биологии, философии, социологии, лингвистики и др. И.В. Гете вообще считал, что главным предметом изучения всего человечества является человек.

Именно антропоцентрическая парадигма в лингвистике переносит акцент в своих исследованиях на человека в языке. Французский лингвист К. Ажеж писал: «Лингвистика, изучая самое человеческое, что есть в человеке,

никак не может быть замкнутой областью знания...» [1]. Отсюда интерес к смежным наукам, выливающийся в междисциплинарные подходы. Как утверждает В.З. Демьянков, в эпоху междисциплинарных подходов есть два типа лингвистов: теоретик-экспортер, который экспортирует знания своей науки в другие, и теоретик-импортер, который свежие идеи из других наук переносит в лингвистику. При исследовании проблемы человека важно использовать оба подхода.

Цель исследования – выявление лингвокультурного аспекта языковой личности поэта Витебщины.

Адрес для корреспонденции: e-mail: kobirusyaz@vsu.by – В.А. Маслова

Материал и методы. Сейчас для номинации человека в русском языке существует целый ряд слов: *человек, фигура, лицо, особа, индивид, индивидуум, индивидуальность, личность, персона, деятель, душа, создание, существо, личина, маска, морда, харя*, а также многочисленные наименования по полу и возрасту. Разные науки предпочитают работать с одним или несколькими из этих терминов. Наиболее популярен термин *личность*, который и используется в нашей работе. Понятие «личности» многопланово, поэтому личность является объектом изучения многих наук – философии, социологии, психологии, лингвистики, этики, эстетики, педагогики и др. У каждой из наук – свои аспекты личности, свои методы и приемы исследования.

Методы, применяемые нами для исследования языковой личности витебского поэта, – моделирование, метод сплошной выборки из поэтических текстов, наблюдение.

Лексема *личность* встречается с XV века; *лицо* в деловых документах используется в значении «отдельный человек, ответственный за свои поступки перед законом» – *важное лицо, ответственные лица*. С XVII в. используется слово *личина* = *маска, актерская харя* [9]. В XIX в. слово *личность* вытеснило слово *человек* как самое высокое именование индивидуальности в рамках человеческого коллектива. Сейчас оба слова выражают приблизительно одинаковые значения, что подтверждается возможностью их сочетаемости: *человеческая личность*.

Материалом для исследования послужили сборники поэтов Витебщины – Елены Крикливец, Нины Давыденко, Давида Симановича, Натальи Соловьевой, Тамары Красновой-Гусаченко, Николая Наместникова, Анатолия Бесперстых и др.

Результаты и их обсуждение. На сегодняшний день можно говорить о взаимосвязи и взаимообусловленности терминов «человек–индивид–личность». При этом личность понимается как субъективное воплощение индивида, его идеальная представленность в других людях, его инобытие в них и в себе как «другом», то есть его персонализация [13, с. 349]. Уход индивида (человека) из жизни не сопровождается забвением, если он был личностью. Сам термин ‘личность’ представляет собой перевод латинского слова *persona* – маска актера.

На сегодняшний день можно выявить несколько своеобразных пониманий личности, которые возникли в разных науках. Так, с

точки зрения психологов, личность – не только объект и продукт общественных отношений, но и активный субъект деятельности, общения, сознания, самосознания. Личность – это все, что есть в человеке надприродного, исторического, культурного. Выделяют еще один термин – «индивидуальность» – особенность конкретной личности, непохожесть ее на других. В нашей работе на материале поэтических текстов выявляется в большей степени индивидуальность, но и общее в структуре языковой личности поэта.

У личности есть природные свойства – темперамент, способности, характер и другие. По определению философского энциклопедического словаря (1998), личность представляет собой содержание, центр и единство актов, интенционально направленных на другие личности. Многие современные определения личности опираются на понятия диалогической (некартезианской) парадигмы, основы которой связаны с работами нашего соотечественника, литературоведа, языковеда и философа М.М. Бахтина. Как каждому субъекту принадлежит объект и каждой личности принадлежит другая личность, всякому Я принадлежит Ты. Человеческий индивид наделен волей и стремлениями, настроениями и оценками, соединен с другими такими же человеческими индивидами, обладающими своей манерой обращения, высказывания, поведения (в том числе и речевого).

Когнитивные теории личности основаны на понимании человека как субъекта, понимающего и анализирующего мир, интерпретирующего его в своем сознании. Представитель этого направления Джордж Келли считал, что человек – это своеобразный исследователь, стремящийся понять, интерпретировать, предвидеть и контролировать мир своих личных переживаний, делать прогнозы. Он полагал, что люди воспринимают свой мир при помощи четких систем или моделей, которые он назвал *конструктами*. Личностный конструкт – это мысль или идея, которую человек использует, чтобы осознать или интерпретировать, объяснить или предсказать свой опыт. Личность понимается здесь как организованная система более или менее важных конструктов, которые использует человек.

В лингвистике сейчас широко используется понятие *языковая личность*, первое обращение к которой связано с именем немецкого ученого Л. Вейсгерберга (*Sprachliche Personlichkeit*). Хотя языковая личность ис-

следует целым рядом наук, наилучших результатов достигли именно лингвисты.

В отличие от психологии, где в центре внимания чаще находятся эмоционально-волево-мотивационные проявления личности, ее социальные характеристики и структура, в отличие от философии, где систематизируются свойства личности, позволяющие охарактеризовать ее как языковую, правовую и др., лингвистов прежде всего интересуют интеллектуальные, когнитивные, коммуникативные характеристики индивида, имеющие языковое выражение. Поэтому, определяя языковую личность как объект лингвистического изучения, мы основываемся на главных свойствах языка, базовых понятиях языкознания и психологии.

В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В.В. Виноградов, который выработал два пути изучения языковой личности – личность автора и личность персонажа [3]; о говорящей личности писал А.А. Леонтьев [10, с. 228]. Само понятие языковой личности начал разрабатывать Г.И. Богин, он создал модель языковой личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [2, с. 1]. Ввел же это понятие в широкий научный обиход Ю.Н. Караулов, который считает, что языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся «а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [7, с. 206].

В концепциях языковой личности других авторов в модифицированном виде представлена концепция Ю.Н. Караулова. В известных нам концепциях языковая личность – это «многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей» [8, с. 323]. А далее Ю.Е. Прохоров уточняет: «Если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности» [14, с. 59]. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения.

В современной лингвистике, перешедшей на антропоцентрическую парадигму, изучается личность в ее способности к общению, речевому общению, речевому поведению, речевому мышлению, т.е. в центре различных

концепций (Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, В.И. Карасика и др.) находится «человек говорящий» (*homo loquens*).

Как утверждают современные лингвисты, языковая личность всегда национальна и принадлежит определенному лингвокультурному сообществу [5, с. 49]. По мнению автора, «языковая личность представляет собой срединное звено между языковым сознанием (коллективным и индивидуальным) и речевым поведением» [5, с. 85].

На сегодняшний день известны различные подходы к изучению языковой личности, определяющие статус ее существования в лингвистике: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П. Нерознак), этносемантическая личность (С.Г. Воркачев), элитарная языковая личность (О.Б. Сиротинина, Т.В. Кочеткова), семиологическая личность (А.Г. Баранов), русская языковая личность (Ю.Н. Караулов), языковая и речевая личности (Ю.Е. Прохоров, Л.П. Клобукова), языковая личность западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), словарная языковая личность (В.И. Карасик), эмоциональная языковая личность (В.И. Шаховский), коммуникативная языковая личность (К.Ф. Седов, С.А. Сухих), когнитивный аспект языковой личности (А.П. Бабушкин, В.В. Красных), языковая личность в аспекте культурного пространства (В.И. Карасик, В.В. Колесов) и т.д.

В самых разнообразных трактовках языковой личности, появившихся в 80–90-е гг. прошлого века, выделяются два магистральных направления – лингводидактическое (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов и др.) и лингвокультурологическое (В.В. Колесов, Г.С. Воркачев и др.). В центре лингводидактического направления – индивид как совокупность речевых способностей. Для второго направления характерно исследование национально-культурного прототипа определенного языка [4], т.е. языковая личность в пространстве культуры.

Для нашего исследования используем лишь лингвокультурную личность в ее национальном аспекте. Национальная языковая личность – социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых

традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей – из индивидуальных языковых особенностей.

Исходя из вышеизложенного понимания языковой личности, попытаемся построить лингвокультурную модель личности поэта Витебщины, в содержание которой включаются такие компоненты:

1. Ценностные, мировоззренческие компоненты, т.е. система ценностей или жизненных смыслов. Мы исследуем в своей работе такую ценность, как *любовь*. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на данный феномен, образует тот языковой образ объекта и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования данного образа.

2. Культурологический компонент, т.е. освоение культурой данного феномена. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения личности поэта, что способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации.

3. Личностный компонент, т.е. индивидуальная языковая личность, ее идиосфера в представлении данного образа.

Культурологический аспект языковой личности чрезвычайно важен для исследования лингвокультурной личности, т.к. языковое самосознание, составляющее основу языковой личности, является частью культурного самосознания. «Между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет четко выраженной границы... В переломные исторические эпохи родной язык становится символом национального самосознания. Существенно также, что осознание элементов языка или языковой структуры текстов совершается теми средствами и идет по тем путям, которые предоставляет личности культура» [12, с. 35].

Культура, к которой мы принадлежим, воспринимается как через язык, так и через различные невербальные процессы – эмоциональные реакции и оценки, которые формируются ценностной ориентацией социума и сами, в свою очередь, формируют уникальный для каждой культуры этос. (Этос культуры – это «ее моральный и эстетический аспект, ее оценочные элементы и ее тональ-

ность ... моральный и эстетический стиль и вкус народа» [11, с. 41].)

Таким образом, под лингвокультурной личностью следует понимать закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную части структуры личности. Реально для ее исследования возможны два пути: ассоциативный эксперимент и анализ текстов (прежде всего художественных). Первый путь – более простой, но менее чистый, т.к. любая анкета навязывает испытуемому модель поведения при ассоциировании, тем самым «искажает характер отражаемого в эксперименте фрагмента ассоциативно-семантической сети» [6, с. 103]. Второй путь в ряде случаев (например, при исследовании личности другой исторической эпохи) является единственно возможным. Исследование здесь осуществляется на материале текстов одной личности, нескольких личностей, всего национального сообщества. При этом следует помнить, что многое зависит не только от личности творца, но и от жанра, к которому принадлежит исследуемый текст (тексты). В нашем случае исследуется жанр лирической поэзии.

Мы полагаем, что для выявления лингвокультурных особенностей личности поэта достаточно личностных смыслов и ассоциативных контекстов, образующих идеосферу языковой личности.

Изучая лингвокультурный аспект личности поэта, мы имеем для этого один материал – поэтический язык, который отличается от других форм речевой деятельности тем, что он подчинен созданию художественных образов. Поиски самого нужного, единственно возможного слова в том или ином случае сопряжены с большими творческими усилиями поэта. При этом поэтическая речь не является набором каких-либо особых поэтических слов и оборотов, любое языковое средство может стать у конкретного поэта стержневым в построении поэтического образа.

Для строительства языкового образа поэты используют всю палитру языка, поэтому выявление лингвокультурной личности поэта должно проводиться на лексико-семантическом, грамматическом, синтаксическом уровнях, на уровне тропов и фигур.

В творчестве поэтов Витебщины были выявлены различные виды тропов (эпитеты, метафоры, сравнения, метонимии, синекдохи, ги-

перболы, литоты, олицетворения, перифразы, аллегория, многосоюзие, оксюморон, параллелизм, ирония, риторический вопрос, риторическое обращение, умолчание, эллипсис, эпифора, анафора, антитеза, градация, инверсия и др.). Нами было установлено, что изобразительно-выразительные средства (эпитеты, сравнения, метафоры и т.д.) сами по себе, вне контекста, не являются признаком художественности. Стихотворение может не иметь ни единого тропа, но быть вершиной лирики.

В статье проанализирована только метафора, на примере которой вырисовывается личность поэта. Метафора (от греч. *metaphora*) означает перенос названия предмета (действия, качества) на основании сходства, это словосочетание, имеющее семантику скрытого сравнения. Именно в метафоре ярче всего раскрываются личностные смыслы, образующие идеосферу языковой личности.

В метафоре выделяют три элемента: информация о том, что сравнивается; информация о том, с чем сравнивается; информация об основании сравнения, т.е. о признаке, общем в сравниваемых предметах (явлениях), которые носителю языка (читателю) требуется увидеть либо отгадать. И чем больше усилий требует метафора для того, чтобы сознание превратило скрытое сравнение в открытое, тем выразительнее и ярче сама метафора. В отличие от двучленного сравнения, в котором приводится и то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается, метафора содержит только второй компонент. Это и придает ей образность и компактность. Метафора может быть простой, тогда она построена на сближении предметов и явлений по одному какому-либо общему признаку – «Колеса бегут по рельсам» (Елена Крикливец, сборник «На грани света»).

Развернутая метафора построена на различных ассоциациях по сходству: «Облака серым шелком вышиты» (Елена Крикливец, сборник «На грани света»).

С помощью каких метафор представляет витебский поэт любовь? Самая большая группа – это восприятие любви как явления природы. Любовь – это и время года, и луч, и свет, и безоблачный простор: Пусть кругом туманы и дожди – / У любви – безоблачный простор (Григорий Кузьменков); Любовь уходила тихо, / ... Листком осенним спускалась. (Нина Давыденко); Клопочет всеми фибрами весна – / Спешит меня любовью окропить / Весны напитков пьют всегда до дна, / А иначе совсем не стоит пить (Анатолий

Бесперстых); Пусть этот луч, как тоненькая нить, / Колеблется от одного дыханья (Елена Крикливец).

Любовь – небо, воздух, вода, солнце: И в моей душе на дне / солнце зазвучало (Давид Симанович); Я ищу каждый звездный вечер / На востоке свою звезду (Григорий Кузьменков); Обожглась ледяной водой... / Но с бессмысленностью отчаянья / В непрерывной борьбе с судьбой / Все пытаюсь начать с начала я (Елена Крикливец); И когда это станет привычкой, / Вас, как воздух, окружит любовь (Тамара Краснова-Гусаченко); И только солнышком сияет / Любовь ушедших навсегда (Тамара Краснова-Гусаченко). Любовь – состояние природы: Не унять метель жестокою, / Ту, что сердце холодит (Елена Крикливец).

Следующая группа метафор связана с гедонистическими настроениями: В нее входят семь подгрупп: «любовь – счастье», «любовь – надежда», «любовь – это мед», «любовь – сказка», «любовь – тайна», «любовь – келья», «любовь – это колодец» (стихотворения Нины Давыденко, Давида Симановича, Натальи Соловьевой, Анатолия Бесперстых, Григория Кузьменкова, Елены Крикливец): Счастье – это любовь без границ / А любовь – волшебная сила!; Малый краешек надежды / Чуть забрезжил вдруг. / Очень гулко под одеждой / Сердце тук, тук-тук (Нина Давыденко); А мне любить тебя нельзя – / Твой мед небесный с горечью (Наталья Соловьева); Любовь, что колодец с живительной влагой / И труса любого напоит отвагой (Анатолий Бесперстых); Любовь так прекрасна, / как сон или сказка. Улыбка твоя бесконечно нежна! (Григорий Кузьменков).

В стихах витебских поэтов любовь – это не только удовольствие, но и разочарование. В следующей группе любовь становится болью, оставляет раны и шрамы, поэты сравнивают любовь с кабалой, занозой, узлом: Тупая боль в груди застряла, / Но можно справиться с тревогой (Елена Крикливец); Жизнь пульсирует еле-еле, / Утомленное сердце болит (Нина Давыденко); Душа – вся суть моей натуры, / Ей больно от незримой раны (Нина Давыденко); Не одна хожу я с болью, / Сколько жарких слез ни лей: / Награжденные любовью / Чаще всех болеют ей (Тамара Краснова-Гусаченко). В целом в этой группе стихотворений любовь предстает как несчастье, обман: Напрасно я отзвук страсти / Во взглядах твоих ловлю / Видно мое несчастье /

В том, что тебя люблю (Григорий Кузьменков); *Как сладок нам любви обман / Ему как правде склонны верить* (Нина Давыденко).

Итак, любовь это – интимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность. Как показывают метафорические контексты, любовь включает в себя и порыв и волю к постоянству, приносит и радость, и разочарование, и несчастья. Она одновременно и дар Божий, и связывающие человека по рукам и ногам оковы. Любовь возникает как самое свободное и постольку «непредсказуемое» выражение глубин личности; ее нельзя усилием воли ни вызвать, ни преодолеть. Важность и сложность любви определяются тем, что в ней, как в фокусе, пересеклись противоположности биологического и духовного, личностного и социального, интимного и общезначимого.

Заключение. Таким образом, языковая личность поэта Витебщины предстает как сложное многоуровневое образование и требует изучения с самых разных позиций, и прежде всего с позиций языкового сознания. В структуре языковой личности поэта Витебщины можно выделить несколько уровней: вербально-семантический, который исследуется в лингвистике давно и успешно, когнитивный, коммуникативный, прагматический и лингвокультурный, интерес к которым возник только в последние десятилетия.

Мы в своем исследовании полагаем, что каждая языковая личность уникальна, она владеет собственным когнитивным пространством, т.е. знанием языка и границами его использования. Значит, исследовать языковую личность необходимо прежде всего с когнитивных позиций – когнитивного пространства, ментальности, языковой картины мира, системы ценностей и стереотипов. В структуре каждой языковой личности есть инвариантный компонент, который обусловлен национально-культурными традициями, идеологией, типом языка и т.д. Но есть и вариативный компонент, к которому мы относим, например, возраст, исследуя языковую личность молодежи Витебщины. Тогда получается, что ЯЛ – нечто среднее между языковым сознанием и речевым поведением.

Индивидуальная языковая личность поэта реализуется на уровне идиолекта. Хотя лингвистическая персонология предлагает исследовать идиолектные различия на всех уровнях системы языка – как фонологические, лексические, грамматические, синтаксические особенности, мы считаем, что для выявления особенностей языковой личности поэта дос-

таточно личностных смыслов и ассоциативных контекстов, образующих идеосферу языковой личности. В данной статье представлен еще более узкий взгляд – через метафорический образ любви.

Не вдаваясь в подробный анализ всего поэтического материала, который во многом представляется нам сырым, плохо обработанным с точки зрения техники стиха (не всегда удачная рифма, неправильные ударения) и нормативной грамматики, скажем лишь о метафоре. Многие метафоры просты, неудачны (*солнце зазвучало*), перерастают в речевой штамп (*Вновь волнуется море любви / Ожиданьем таинственной встречи*), противоречат сами себе (*Любовь – мой самый яркий свет. / Мой сумрак несказанный*).

Например, в четверостишье Давида Симановича *Кто-то Приять широкую сузил, / Заковал ее панцирем льда / И как будто любви нашей узел / Крепко стянута в узел звезда* прямое значение лексемы «узел» в последней строке совсем утрачивается, и самое главное, не рождается в представлении читателя художественный образ. Аналогичная ситуация в двустишии Натальи Соловьевой *От любви как от помарок / Бесконечно устаю*. Лексемы «помарка» и «любовь» не образуют ассоциативного контекста и поэтому не создают поэтического образа.

Справедливости ради нужно отметить, что есть и удачные образы-метафоры: *Я целую те гвозди, / Что пробили мне сердце, / Я сияю той болью, / Что хранится до смерти / И зовется любовью* (Наталья Соловьева).

Литература

1. Ажеж, К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. – М., 2003. – 149 с.
2. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов / Г.И. Богин. – Л., 1984. – 383 с.
3. Виноградов, В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М.–Л., 1959.
4. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 63–67.
5. Карасик, В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность / В.И. Карасик // Филология – Philologica. – 1994. – № 3. – С. 17–24.
6. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 384 с.

7. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность: сб. ст. / отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.
8. Клобукова, Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики / Л.П. Клобукова // Междунар. юбил. конф., посвященная 100-летию академика В.В. Виноградова: тез. докл. – М., 1995. – С. 321–323.
9. Колесов, В.В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. – Л., 1986. – 241 с.
10. Леонтьев, А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка / А.А. Леонтьев. – М., 1977. – 228 с.
11. Лурье, С.В. Историческая этнология / С.В. Лурье. – М., 1998. – 311 с.
12. Никитина, С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С.Е. Никитина // Язык и личность: сб. ст. / отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – С. 34–40.
13. Петровский, В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В.А. Петровский. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 512 с.
14. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М., 1996. – 325 с.

Поступила в редакцию 02.12.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.